

Анна Патина
Два такта до
обрыва

Анна Сергеевна Патина
Два такта до обрыва. Смычок
виолончели для пианиста

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40940441

ISBN 9785448323188

Аннотация

Эта маленькая история из жизни неопытной пианистки, которая после смерти родителей потеряла смысл жизни, затерявшись между клавиш ненавистного рояля. Однажды в её университете появляется известный виолончелист-виртуоз, который цепляет девушку своей музыкой, заставляя её попросить научить играть так же, как он. Виолончелист соглашается, но перед тем предупреждает, что болен глиомой ствола головного мозга. Так смогут ли они избежать настигнувшую их болезнь?

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

23

Два такта до обрыва Смычок виолончели для пианиста

Анна Сергеевна Патина

© Анна Сергеевна Патина, 2016

© Екатерина Васильевна Катупова, дизайн обложки, 2016

Корректор Галина Андреевна Малиновская

Редактор Дарья Сергеевна Мысовских

ISBN 978-5-4483-2318-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сначала вы будете улыбаться, а потом плакать –
и не говорите, что вас не предупреждали.

© Николас Спаркс; «Спешите любить.»

Это был муторный понедельник. Ветер хлестает бетонные стены музыкального университета. Солнце сияет лишь для красоты, не желая греть никчёмную Землю. От весны присутствует только название жалкого месяца марта, который больше подходит к зимнему времени года, но так как у зимы

кончился трехмесячный лимит, этот месяц просто приплюсовали к отстраненной весне. Высший идиотизм...

Карен была кем-то вроде марта среди других месяцев, зачисленных в весну. Отстранённая, ненужная, другая. Одним словом – отброс общества. Она не имела ни смазливых уз, ни эгоистичных связей. Была похоронена заживо в воспоминаниях о зиме, в которых были друзья, семья и счастье. Сейчас же было только одиночество.

Ты понимаешь свою ничтожность, когда видишь отражение незнакомого тебе человека в обляпанном зеркале туалета музыкального университета штата Вирджиния. Выжженные чёрные волосы сочетались с жёлто-коричневыми кругами под глазами. Искусанные в кровь губы, что отвратительно шелушились и облезали, подчеркивали бледность кожи, от которой хотелось блевать на месте. Это лицо человека под именем Карен Батлер, но не она сама. Смешно и противно.

Боль тоски и одиночество заглушало лезвие бритвы, что плавно скользило по запястью девушки. Поверх старых шрамов образовались новые, кровоточащие сильнее предыдущих. Возможно, обляпанное зеркало, обшарпанные стены и грязные унитазы, выглядывающие из открытых кабинок – последнее, что увидит юная особа. Отвратительный запах и мрак – идеальное сочетание с Карен.

Тишину мыслей разрезал резкий хлопок шпингалета в одной из закрытых кабинок туалета. В страхе девушка выронила алое лезвие из дрожащих пальцев в раковину, спрятав красные порезы за рукав серого кардигана.

Мужчина лет двадцати пяти поражает своим высоким ростом и кричащим красным цветом волос. Именно сегодня мужской туалет закрыли по причине ремонта, эгоистично заставляя целый день делить один туалет между мужчинами и женщинами. Из его пальцев медленно упал в унитаз бумажный окурок от сигареты. Взгляд томил в себе замкнутость и отстранённость и в тоже время презрительность к жалкому отражению себя через стеклянное зеркало. Он напоминал некий цветок хиганбана в весеннюю стужу.

Даже его шаги были изящными и медленными, будто он боялся напугать дрожащую малышку Батлер, но на деле кротко брошенный взгляд на девушку был наполнен отвращением и осуждением. Кажется, то, что соседняя раковина была полностью в крови, никак не волновало мужчину. Он просто безэмоционально тёр ладони друг об друга под сильным напором воды.

Карен была подавлена, но не могла оторвать обеспокоенный взгляд с этого человека. Резко шум воды прекратился

и вновь эхом отражалась тишина, разбавленная только дыханием обоих.

– Кто будет совершать самоубийство в общественных местах? – грубым басом сделал замечание незнакомец, бросив взгляд на лезвие, окровавленную руку и на красные линии, вычерченные на ней, что выглядели из под короткого кардигана. – Вроде собралась совершать суицид, а не знает даже основ.

– Я знаю, – нервозно заявила Карен, приглушая тон на минимум.

Щекотливое ощущение от его ухмылки и презренного взгляда давали повод задуматься над значимостью этого места и встречи. Возможно, именно эта физиономия встряхнет девушку и полностью избавит от мыслей о суициде.

– Значит, просто стараешься давить на жалость, – эти слова, как тысячи осколок лжи пронзили трёхсоткилограммовое сердце. – Таких, как ты называют симулянтами, которые кроме самолюбия ничего не имеют, – бросив последний взгляд, он направился в сторону выхода, забрав с собой всю гордость юной леди.

– Ты хоть осознаешь всю боль одиночества, имея только

память, заполненную воспоминаниями о прошлом? – голос будто был на пике срыва, что заставило мужчину остановиться. Всё, что копилось все эти годы, выплеснулось одним криком. – Я чувствую, как умираю...

Гулкая тишина сопровождалась глубокими вздохами. Батлер не видела его лица. Была только красная голова и монотонное дыхание.

– Ты хотя бы знаешь значение глагола «умираю»? – сжал кулак незнакомец, будто ухватился за самоконтроль и так старательно не выпускал его из своих слабых пальцев. – Кто-то сейчас, в эту минуту, в эту секунду так усердно старается выжить, а ты... – процедил сквозь зубы мужчина. – Умирай, но только без меня, – закончил красноволосый, покидая стены холодного туалета.

Он оставил Карен наедине со стыдом и позором. Девушке было настолько противно от самой себя, что слёзы стекали ручьём по ледяным щекам. Чувство одиночества перебивало чувство ответственности за свои действия, ведь тот мужчина в какой-то мере прав.

Батлер быстро обвязала раны тонким бинтом, что начал щипать кровоточащие порезы. В спешке промыв раковину от улик и заpixав лезвие в рюкзак, она удалилась из поме-

щения.

Чистый запах коридора, смешанный с резкими женскими духами был как бальзам для маленького чувствительного носика Карен. Она медленными шагами пошла на свою скучную пару со скучными студентами и скучным преподавателем. Пусть она не умерла сегодня, это не означает, что можно пропускать неохотные занятия в университете, ведь это будет слишком подозрительно.

Аудитория присутствующих была равна одной третей из всей группы. Шум шёпота разносился по всему помещению, заглушая звук спокойствия. Студентка осторожно села на третий ряд, положив тяжелую от мыслей голову, причиной которых являлся тот незнакомец, на искалеченные руки.

– Добрый день, – зашёл преподаватель в кабинет, поднимая пыль от резкого хлопка учебников 90-ых годов об деревянный стол. – Я хочу всем вам представить одного моего очень хорошего друга.

Все студенты направили своё внимание на дверь, прекращая шептаться и шуршать ненужными сейчас листами бумаги. Из-за двери мелькнули только алые локоны волос, но девушка сразу поняла, кто этот мужчина. Как только этот человек сделал пару грубых, но медленных шага, демонстрируя

свою личность всей аудитории, Карен не сомневалась в том, что это тот самый незнакомец. Тот, что впервые за четыре года заставил задуматься о смысле своих поступков. Острые уши, потрёпанная ухмылка, измученный взгляд, не зажжённая сигарета во рту и вызывающий цвет волос – вот что заставляло Батлер затаить дыхание.

– Его зовут Ричард Браун, – положил тяжелую руку на плечо самодовольной личности профессор. – Он – известный виолончелист-виртуоз и композитор. Приехал из Англии несколько месяцев назад. Студент Оксфордского университета. – гордость за то, что его друг – это этот измученный парень, который больше похож на живого покойника, чем на виолончелиста, настораживала. – С сегодняшнего дня он будет заменять меня по случаю нехватки преподавателей. Я же, к сожалению, вынужден уехать на несколько месяцев по личным причинам, – накинул он на себя пиджак и поспешил к двери аудитории.

На лице профессора мелькнула грусть и обеспокоенность за что-то очень важное. Наверное, именно это и заставляет его уехать на некоторое время, оставляя группу пианистов какому-то виолончелисту.

– Стив, – позвал Ричард своего друга, сверкнувший елизаветной улыбкой и подбадривающим взглядом теплы и за-

боты. – Всё будет хорошо, правда.

– Да, – улыбнулся в ответ профессор, будто говорил заветное: «Всё хорошо. Я буду есть, буду спать. Проблемы никак не повлияют на меня», – чего добивался услышать Браун.

Мертвую тишину аудитории хоть как-то оживил щелчок почти пустой зажигалки. Громко выдохнув из себя токсичны, виолончелист небрежно осмотрел каждого, останавливая свой ленивый взгляд на Карен Батлер. Он будто смотрел сквозь неё. Куда-то в безэмоциональную, бездушную пустоту. Он видел в девушке пустоту, который не видел никто из присутствующих. Слышал именно её бесшумное дыхание среди многих, чувствовал именно её обжигающий взгляд, что изучал каждый уголок его угловатого тела, понимал только её немые, но глубокие слова.

– Зовите меня просто Ричард, – мужчина не отрывал взгляд от неё ещё несколько секунд, но потом просто перевёл его на дозу никотина, обёрнутую в бумагу, в собственных руках. – Мне двадцать шесть лет и, как вы уже поняли, я ваш временный преподаватель. Это всё, что вам нужно знать.

Его прокуренный голос, круглая осанка, немного серые зубы и ореховые глаза заставляли не отводить взгляд от этого загадочного мужчины, который несколько минут назад вы-

ставил маленькую Карен посмешищем.

– Сегодня, завтра и послезавтра пройдет мой концерт в этом университете в концертном зале, – сел на преподавательский стол мужчина. – Вы должны написать эссе по произведениям, которые будут исполняться на этом концерте. По окончании тура все без исключений должны сдать работы ко мне на стол в ординаторскую. Всем всё ясно?

– А что, если я не смогу придти? – неожиданно тихо сообщила девушка, касаясь неуклюже крылышек носа.

– А что Вам мешает? – эти слова были для студентки, как своеобразный блейзер. Углекислый газ, смешанный с никотиновым дымом и разбавленный простодушными словами. Девушка словно пьянела по щелчку от такого сочетания, вызывающего эйфорию¹.

– ... Дела.

Ричард откровенно усмехнулся, двигая бровями так, что задумываешься, о чем он размышляет. Какие мысли посещают красноволосого виолончелиста? Тяжелыми шагами он

¹ **Эйфория** (др.-греч. εὐφορία «плодовитость», из εὖ «хорошо» + φορέω «несу, ношу», то есть буквально «хорошо несущая») – положительно окрашенный аффект или эмоция.

подошёл ближе к сидячей студентки. Парень наклонялся всё ниже и ниже, опираясь на деревянную основу с кучей ненужных бумаг, что не имели никакого отношения к слову «музыка», пока губы двух музыкантов не оказались в миллиметрах от друг друга. Горячее дыхание обжигало искусанные губы Батлер из-за чего та не могла впустить в свои легкие ни грамма кислорода. Даже не дыша можно унюхать сильный перегар со стороны Ричарда.

– Изволь освободить лишний часок между твоими симулированными суицидами, пожалуйста, – как только прозвучала эта угрожающая просьба, он отошёл на два шага назад, с осуждающим взглядом и обескураженной улыбкой, что заставляет Карен каждый раз невольно закусить алую губу. Уже начинает казаться, что именно по этим чертам лица можно составить идеально схожий фоторобот Ричарда Брауна. – Договорились?

Он курил медленно, но развязно и глубоко, прожигая все легкие ста сорока градусами, стараясь каждый раз согреться в холодном марте.

– А что, если я скажу, что не люблю музыку? – продолжала настаивать студентка.

Это был диалог для двоих. Здесь будто не существовало

ничего живого, кроме их самих, не считая маленькое пространство, что держало их на расстоянии друг от друга.

– Честно тебе скажу, как преподаватель студенту, – его брови поднялись высоко вверх, заставляя лоб сложиться равномерной гармошкой. – Мне насрать, – наконец его слова и внешность сочетались друг с другом, отчего Карен сразу же откинула мысль о раздвоение личности. – Мне дали задание проверить эссе, поэтому, если не сдашь работу к сроку – пеняй на себя.

Едва заметная усмешка Батлер и лёгкий серый дым были всем в этом классе. Все учащийся были просто куклами для Батлер и Брауна. Они не имели значение на их паре, посвященной друг другу.

Карен всё-таки пришла на концерт классической музыки в последний день его исполнения. Все находящиеся в зале в основном были средних лет, поэтому молодая девушка сразу же отличалась среди однообразной толпы. Сев на одно из красных кресел, она скучно наблюдала за пустой сценой. Зря она пришла...

Когда ослепляющие прожектора осветили сцену, шум прекратился, позволяя Ричарду в смокинге пройти на середину сцены с сияющей виолончелью в руках. Вид ровно си-

дящего на черном стуле человека, чьи руки держали тонкий смычок – завораживало. Веки Брауна легонько прикрылись и он будто стал медленно сливаться с тишиной, что подобна шуму крыльев порхающей бабочки. Карен, можно сказать, вздрогнула от резкого движения смычком по инструменту, который извлекал низкий, бархатный звук.

Бах. Сюита для виолончели №2. Ре минор.

Это произведение сияло серыми красками. Боль, печаль, горечь, сопереживание были всем в этом произведении. Слушая исполнение Ричарда, каждый вспоминал свой важный отрывок из короткой жизни, но не Карен. В её глазах был лишь Ричард, что смычком скользил по толстым струнам виолончели, одновременно зажимая их толстыми мозолистыми пальцами второй руки. Чёрные брови хмуро выставляли мелкую морщинку меж бровей, заставляя сердце Батлер болезненно простонать. Это произведение будто было написано для Ричарда, описывая каждый его судорожный вздох, сливаемый с движением смычка, каждую капельку пота труда на мраморном лбу, каждую трещинку на губах. Виолончелист был сейчас не в зале. Он был где-то очень глубоко в музыке, всё дальше отстраняясь от Карен.

Юная, неопытная пианистка почувствовала горячие капли, что стекали по бледным щекам. Поток слёз лился сам

по себе. Печаль песни добралась до маленькой души девушки, окутывая её, вызывая солёные искры из глаз. Это было настолько ново для студентки, что восторг в её подсознании не имел границ.

Так, одной шестиминутной пьесой, Карен осознала, что музыка на самом деле прекрасна. Она правда прекрасна...

Восторг продолжался на протяжении всего концерта, заставляя после его окончания помчаться к исполнителю. Стоя перед курящим красноволосым, девушка осознала, что её мнение о музыке на самом деле было субъективным. Нет, возможно, она и сейчас ненавидит музыку, как и прежде, но не музыку Ричарда.

– Научи меня, – заулыбалась в пол лица Карен. – Научи жить и исполнять музыку так же, как ты.

Мужчина на эту просьбу только эгоистично усмехнулся, потрепав чёрные волосы пианистки, которая была заметно ниже него, самолюбиво отвечая:

– Где же та ненавистница музыки? – посмеялся он немного грубо.

Её слова будто пролетели мимо ушей Брауна, поэтому Ка-

рен решила ещё раз повторить, но с большим энтузиазмом.

– Научи меня, Ричард.

Сигарета неустойчиво болталась во рту у мужчины. Парень, уже осознав всю серьезность просьбы студентки, немного удивился. Правда. Он отошёл на два шага, докуривая оставившую половину сигареты. Девушка терпеливо ждала, наблюдая за проворными пальцами виолончелиста, что несколько минут назад творили волшебство.

– Я – виолончелист. Чему я могу научить пианиста? – наконец высказал свое мнение парень, когда от сигареты остался только окурочок.

– Я не прошу учить играть, я прошу научить меня исполнять, – сладко произнесла леди.

Наконец, втянув последнюю порцию яда, парень выкинул опустошенный никотин, строго осматривая студентку.

– Хорошо, – прокуренным голосом произнес профессор на замену. – Я согласен, но если только твоё эссе пройдёт на отлично. Договорились, Карен Батлер?

Окрылённая радостью, студентка, придя в свою опусто-

шённую квартиру, села за ноутбук, готовясь выполнять данное обещание, но когда её пальцы уже лежали на клавиатуре, она поняла, *что не может напечатать и слова, чтобы описать шестиминутное исполнение.*

Она писала, стирала и вновь писала. Выходило только глупое перефразирование слова «прекрасно». Одни синонимы одного предложения. Карен не писательница мирового масштаба. Она не умеет твёрдо излагать свои мысли на белом листе. Именно тогда у неё появилась идея. Глупая, детская, но глубокая затея.

Девушка, как только нашла Брауна в огромном университете после всех пар, вызволила его из кучки бумажной вилки, дорогого виски и приятной классической музыки в класс фортепиано, отговариваясь, что единственное её эссе должно быть передано лично в руки преподавателю.

Пианистка села за чёрный трон музыки, нежно кладя пальцы рук на черно-белые клавиши рояля. Когда полная тишина достигла ушей, девушка испустила первый звук. С первых же аккордов профессор на замену понял: *Шопен. Ноктюрн. op.55 №1.*

Ноктюрн вызывал ностальгию по первому снегу. Каждый

форшлаг² ласково касался перепонки ушей, заставляя расплыться в удовольствии. Виолончелист увидел в этом произведение некую грусть расстояния с самим дорогим человеком. И ты сидишь на подоконнике, наблюдая за изящностью хлопьев снега, вспоминая каждую извилину её тела, каждую черту её лица, каждую трещинку на её губах, каждый момент, проведенный с ней. Даже сердце Ричарда облилось грустью, но когда пианистка плавно подняла руки вверх, ярко выражая конец, родилось ощущение, будто чего-то не хватает. Чего-то очень важного...

– Что это? – немного несуразно произнес парень сквозь дым.

– Это эссе, – смыслёно ответила девушка. – Музыка – это, своего рода, тоже язык, верно? Музыканты передают свои эмоции в мелодии, разделяя со слушателем свои ощущения. Это и есть моё эссе.

И Браун засмеялся. Он хохотал так, будто это последний раз, когда ему позволено выражать эмоции. Но, на самом деле, ему было больно. Больно до глубины души, вызывая место веселого смеха – болезненный.

² **Форшлаг** (нем. *Vorschlag*, от *vor* – «перед» и *Schlag* – «удар») – мелодическое украшение, состоящее из одного или нескольких звуков

Карен была в недоумении..

– Окей, – успокаивающе вновь посмотрел на Карен профессор. – Я буду учить тебя, буду.

На самом деле, Ричард не понимал, как он будет учить этого ребенка. Он только помнит, что сам всегда играл не как все, вызывая у слушателя невольные слёзы. Именно благодаря этому «дару» он и стал известным виолончелистом. Именно благодаря этому «дару» его сочинённые ноты стали быстро выкупать в музыкальных прилавках. Но настырность девушки просто не позволяла грубому «нет» выскользнуть из-под крепких губ Ричарда, поэтому виолончелист просто сдался.

– Обещай, – вместо сентиментального возгласа «Правда?» вполголоса попросила студентка. – Обещай, что будешь со мной до конца. Не дашь забыть твою музыку.

Ричард не мог проронить ни слова, ведь уже в апреле не будет марта, а в мае не будет апреля. Время будет идти своим чередом, оставляя за собой ускользающие месяцы. Виолончелист понимал, что где-то через несколько лет, в начале весны Батлер будет до сих пор искать тот нелюбимый март, что свёл их с красноволосым, и то обещанное «До конца». Мужчина прекрасно знал цифры своего конца, но когда

наступит конец у Карен? Он не мог позволить девушке смотреть на холодную весну, наполненную музыкой воспоминаний, когда за окном тёплое лето чистого листа.

– Ты не голодна? – перевёл разговор профессор. – Я слышал, что здесь есть хорошее кафе. Я угощаю.

Запах зернистого кофе и горячих вафель заставляли развеять напряжённую ауру между ними. Мужчина плавно скользил ручкой по белым листам бумаг, что-то подчёркивая, зачёркивая и вновь записывая. Бумаги выглядели точно так же, как и о листы в том классе, откуда Карен вызволила парня.

– Что ты пишешь? – необыкновенно тихо спросила пианистка, немного глотнув из чашки крепкого капучино. – Может, оставишь работу и спокойно поешь? – немного шутливо произнесла черноволосая.

– Это не работа, – не отрывал он взгляд от бумаг, перечитывая всю ручную работу. – Это некое хобби. Я записываю всё, что происходит, расписывая эпитетами каждую мелочь, превращая в художественное произведение, – наконец он взглянул на студентку с лёгкой нервозностью в глазах, изредка кидая осуждающий взгляд на табличку о запрете курения в здании. – Помогает не забыть некоторые фрагменты...

Карен не было интересно, но неловкая тишина между ними раздражала пианистку. На самом деле она просто мариновала мужчину, чтобы задать более важный, серьёзный вопрос.

Посмотрев на Брауна взглядом, наполненным серьёзностью, она, наконец, произнесла:

– *Почему ты не дал то обещание?*

Ричард ожидал такой вопрос, поэтому прямолинейность девушки не смутила мужчину. Он медленно положил руку на стол, вглядываясь в сплетение пальцев рук, погружаясь в раздумья. После долгого отсутствия, он, наконец опёрся на стул, делая несколько плавных глотков кофеина и спокойно пронзая пианистку взглядом.

– Потому что я умираю, – смело ответил виолончелист. – Глиома ствола головного мозга³. Я хотел пройти курс лечения, но мой организм не отвергает препараты, – он так говорил, будто этот диалог был прокручен несколько сотен раз. – У нас разные расстояния «до конца», поэтому я не могу обещать, что дойду с тобой до *твоего*

³ вид рака головного мозга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.